

УДК 94(97)

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Бирюков Алексей Викторович

начальник ОДОиПИПКиП, старший преподаватель кафедры
всеобщей истории Могилевского государственного
университета имени А. А. Кулешова (г. Могилев, Беларусь).

В статье показаны основные направления развития и интерпретации идеи всемирной империи в исторических трудах авторов ранневизантийской эпохи (IV–VI вв.).

В V–VI вв. Византия позиционировала себя как прямая и единственная наследница Римской империи и, соответственно, претендовала на положение мировой державы и даже на возрождение под своей властью всего разрушенного «римского мира».

До середины VII в. это государство было не столько Византией, сколько Восточной Римской империей с сохранением многих позднеимперских традиций. Эта *римскость* находила проявление во многих аспектах: политическом устройстве с сохранением многих традиционных атрибутов римской государственности, таких как консулат, система должностей, использование латинского языка в официальных документах, а также в активной эксплуатации имперской традиции, единственной носительницей которой Византия являлась три с четвертью столетия после крушения Западной империи и вплоть до образования империи франков в 800 г. Как отмечала З.В. Удальцова, в ту эпоху «Византия признавалась законной верховной повелительницей всей цивилизованной ойкумены. Идея всемирной монархии с центром в Константинополе жила не только в самой империи, но имела распространение в варварских королевствах Запада. Их правители, пусть и номинально, все же признавали власть константинопольского василевса» [5, с. 4].

В начальный период истории в Византии не сложилось единой, цельной религиозно-политической концепции [3, с. 50]. Ранневизантийские авторы активно переосмысливали наследие Римской империи, пытались определить будущее ее восточной части в необратимо изменившемся мире. При этом резкой грани между позднеимперскими и ранневизантийскими авторами нет, последние были прямыми продолжателями и преемниками первых. Этому способствовало то, что византийцы всегда считали себя ромеями, то есть римлянами, а свою империю – Римской. Начало византийской государственности было принято относить к правлению Константина I – не только потому, что он перенес столицу империи в Новый Рим – Константинополь, но также и потому, что им был создан политический строй, который во многом сохранялся и развивался в последующие века в Византии, – режим неограниченной монархии, соединивший римско-эллинистическую монархическую идею с христианством и союз государства с христианской церковью. В основу византийской политической теории была положена римская императорская идея, связанная с эллинистической идеей царства и оформленная в соответствии с христианской

концепцией верховной власти [3, с. 15]. Однако путь к утверждению данной концепции был долгим и был пройден в работах интеллектуалов конца IV – середины VI века.

Последним великим римским и одновременно первым крупным византийским историком обоснованно считается Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400) – автор «Деяний», или «Римской истории», и основоположник светского течения в историографии ранней Византии [5, с. 83]. Он являлся сторонником популярной в античности теории возрастов, которую со времен Лукреция Кара и Сенеки-младшего нередко применяли к римской истории: так, в ней Марцеллин выделяет детство, юность, молодость и старость [Рим. ист., 14, 6.4]. При этом старость Рима Марцеллином, в отличие от Сенеки, трактуется вовсе не как время упадка: наоборот, в отношении Рима этот период, совпадающий с эпохой Империи, как кульминации развития государства и начало его вечного существования, когда Рим «стал одерживать победы не только оружием, но нередко и одним своим именем» [Рим. ист., 14, 6.4].

Мысль о вечности Рима не стала новой и опиралась на богатое идейное наследие Вергилия, Плиния Младшего и др. Тем не менее, именно концепция вечности города Рима пронизывает все произведение Марцеллина, это его смысловая и идейная ось. Историк утверждает, что Риму «суждено жить, пока будет существовать человечество, для его возвышения заключили союз вечного мира Доблесть и Счастье, которые обычно бывают разлучены, а если бы хотя бы одной из них не было налицо, то Рим не достиг бы вершины своего величия» [Рим. ист., 14, 6.3].

Подчеркивается вселенский характер власти Рима: Рим – это храм всего мира [Рим. ист., 17, 4.13]. Он «стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в необъятный круг земной», он «согнул гордую выю диких народов и дал законы, основы свободы и вечные устои, словно добрый, разумный и богатый отец», и «по всем, сколько их ни есть, частям земли чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа» [Рим. ист., 14, 6.4–7].

Марцеллин постулирует божественную подоплеку несокрушимости римской власти над миром: Провидение возвеличило Рим от самой его колыбели и обещало ему вечность [Рим. ист., 19, 10.4]. Риму «суждено с помощью божьей жить во веки веков» [Рим. ист., 26, 1.14], ибо в нем обитает и почитается «божество, всегдашней помощью которого будет вовеки стоять несокрушимо римская держава» [Рим. ист., 27., 6.6].

Таким образом, Марцеллину свойственно прославление вечности Рима и незыблемости Города как символа величия и стабильности Римского государства. При этом обнаруживается ряд важных особенностей. Во-первых, в его труде присутствует избыточная критика императоров (кроме Юлиана Отступника) за их деспотизм и неуважение к сенату и римским традициям – и это роднит Марцеллина с «бичом тиранов» Тацитом – однако Марцеллин критикует императоров за то, что они христиане, и за проводимую ими политику искоренения язычества.

В отличие от своего современника Августина, Марцеллин ни в коей мере не разделяет идею неотступно надвигающейся на Рим катастрофы, скорой гибели «римской Волчицы» из-за грехов язычников [5, с. 52–53]. Он склонен идеализировать могущество Империи, верит в вечность Рима и незыблемость Римского государства перед вызовами истории. Будучи язычником, он полагал, что Римская империя, возможно, и последнее государство, как считали христиане, но оно лучшее из всех существовавших и при этом несокрушимое. В своей убежденности в вечности Рима Марцеллин был не одинок: в то время это была идеология римской языческой интеллигенции и старой сенатской аристократии. Как удачно отметила З.В. Удальцова, «в IV веке, когда духовная и политическая жизнь из Рима переместилась уже в провинции, среди старой сенатской аристократии вновь возродилась и окрепла концепция «вечного Рима». Хотя дух жизни давно отлетел от этой идеи, римская знать с мучительной надеждой и необычайной настойчивостью цеплялась за эту уже мертвую реликвию» [5, с. 36].

«Новая история», написанная Зосимом (2-я пол.V в.), отражает начало мировоззренческого перехода от римоцентризма к византизму. Зосим подчинил свой труд абсолютно необычной для античных авторов идее – стремлению раскрыть причины упадка Римской империи: «Полибий рассказал, как римляне создали свою державу в короткое время, я же хочу показать,

как они ее потеряли в такое же короткое время из-за их собственных преступлений» [Нов. ист., I, 57.1]. В отличие от Аммиана Марцеллина, у Зосима нет никаких иллюзий относительно судеб Рима: государство погибает. Признак упадка – сокращение размеров Империи и захват ее провинций варварами.

Аргументы Зосима напоминают эсхатологические идеи Августина, но с языческих позиций: упадок и грядущую гибель Рима автор трактует как наказание за отказ от языческой религии предков [Нов. ист., I, 1.2]. Нашествия варваров, внутренние смуты, разграбление Рима Аларихом – все это есть наказание богов за распространение христианства и забвение древней языческой религии [Нов. ист., VI, 3.5–6]. Резкой критике подвергается деятельность императоров Константина I и Феодосия I, больше других сделавших для торжества христианства.

Зосим, как и Марцеллин, прославляет великое прошлое Рима, однако он уверен, что былое величие в Рим никогда не вернется. Констатируется упадок и смерть Рима как города и государства для Запада. Иное дело – Восток: видя упадок старого Рима, Зосим верит в великое будущее Рима Нового – Константинополя. Как и Марцеллин, он убежден в вечности Римской державы, однако это вера в *идею державности*, а не в ее старое географическое воплощение: вечность Римской империи как идеи у Зосима олицетворяет не Рим, а Константинополь – при этом предрекается реставрация в нем старой языческой религии [Нов. ист., II, 37.1–2].

Идеологический переход к византизму, начатый Зосимом, завершился в трудах крупнейшего ранневизантийского историка Прокопия Кесарийского (ок. 500 – после 565). Как христианин, он чужд мучительной тоски по гибнущей языческой цивилизации, но полагает себя наследником ее высочайшей культуры. Прокопий разделяет идею великого и вечного Рима, высказанную Полибием и Марцеллином, но у него происходит революционная трансформация этой идеи: говорится о величии не конкретного города, а Рима как *империи*, как *идеи*. Она продолжается в Византии: по-прежнему существует Империя, окруженная варварами. Византию он называет *Римской* империей [Война с персами, II, 5.1; Война с вандалами, I, 3.29], ее вассалы – это *римские* императоры [Война с персами, I, 1.1], ее население – *romeи*, *римляне*. Прокопий больше не патриот города Рима; он патриот Рима как идеи вселенской Империи, земным воплощением которой стала Византия, а столицей – Новый Рим, Константинополь.

Таким образом, с исчезновением государства на западе «Римского мира» не канула в Лету сама идея Рима как империи. Имперскому наследию отводилось значимое место в военных планах ранней Византии; оно также являлось предметом осмысления в творчестве византийских интеллектуалов конца IV – середины VI в. Направление этого осмысления – замена конкретного государства с центром в городе Риме идеей вселенской «Римской» империи, роль которой претендовала Византия.

Список использованной литературы

1. Аммиан Марцеллин. Римская история. – СПб. : Алетейя, 2000. – 576 с.
2. Зосим. Новая история / под ред. Н. Н. Болгова. – Белгород : Издательство Белгородского государственного университета, 2010. – 344 с.
3. Курбатов, Г. Л. Ранневизантийские портреты : К истории общественно-политической мысли / Г. Л. Курбатов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1991. – 272 с.
4. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М. : Наука, 1993. – 576 с.
5. Удальцова, З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии / З. В. Удальцова. – М. : Наука, 1974. – 351 с.